

Юрий Алкин

Overdose

Ограбление было дерзким. Точнее, дерзким его завтра должны были назвать газеты. Дерзким и неслыханным. Такие заголовки замечательно продаются даже в век падающих тиражей. Кое-кто наверняка назовет его ограблением декады. «Ограбление века» звучит, конечно, еще лучше, но на век сумма не тянет. А на декаду — в самый раз.

Хотя если всерьез, дерзости в этом ограблении не было ни на грош. А было там бесстыжее нахальство. Позор это был, а не ограбление. Позор и безалаберность. А как всегда виновата будет полиция. Как будто...

— Лейтенант?

Стив Гортон поднял голову. Улыбка инспектора Келли сияла перед ним, словно реклама зубной пасты. Он сделал усилие не поморщиться. В последнее время подобное усилие приходилось делать почти ежедневно. Как, впрочем, и множество других усилий.

— Да, инспектор?

— Лейтенант, мы закончили осмотр. Никаких следов взлома, все сделано очень чисто. Работали профессионалы. Причем не меньше трех. Я не исключаю, — Келли наклонил лобастую голову, подчеркивая важность того, что сейчас прозвучит, — не исключаю, что им помогли.

Он понизил голос и оглянулся.

— Ну, вы понимаете. Изнутри. Кто-то же должен был отключить камеры.

— Разумеется, — сказал Гортон, чтобы хоть что-нибудь сказать. — Вы уже всех опросили?

— Всех, кто уже пришел. Директор отделения только подъехал.

— Продолжайте, — кивнул Гортон, отлично понимая бесполезность своего указания.

— А что вы думаете по поводу моей теории?

Что, как и все твои теории, она высосана из пальца, хотел было сказать Гортон. И место ей в...

— Правдоподобно, — услышал он свой голос. — А почему вы считаете, что их было трое?

Келли оживился еще больше.

— Банк-то находится на Второй авеню. Здесь они даже ночью должны были одного поставить смотреть по сторонам. Второй — специалист по сейфам. И водитель.

— Хорошо. Идите.

Спрашивать Келли, с какой стати злоумышленникам понадобилось делиться награбленным с личным водителем, Гортону не хотелось. Когда тебе еще нет тридцати и твой феерический энтузиазм сравним только с твоей феерической глупостью, у тебя на любой вопрос найдется ответ. Любому другому подобное сочетание изрядно подпортило бы карьеру, но если твой родной дядя — мэр, эти факторы не так уж и мешают. А твое желание отличиться и склонность громоздить версии, одна нелепее другой, только подчеркивают твою самобытность.

Он вздохнул и обнаружил, что Келли еще не ушел.

— Что-то еще?

— Вы же собирались поговорить с директором, — напомнил Келли.

Гортон махнул рукой.

— Уже неважно. Поговорите с ним сами. А через час проверьте, кто из служащих не вышел на работу. Имя и все данные — мне.

— Почему вы так уверены, что кто-то не выйдет? — озадачился Келли.

— Интуиция, — хмуро сказал Гортон.

Делать усилия стало слишком тяжело.

***

— Дэвид Боровски, — через час бойко докладывал Келли, — сорок шесть лет, из них девятнадцать в этом банке. Более того, в этом отделении. Тихий, примерный работник. Специалист по ссудам. На работе всегда вовремя, обычно раньше остальных, но сегодня не вышел. Дома трубку никто не берет.

— Женат?

— Да. Жена работает в Prudential. Страхование, разумеется. Дочь в колледже, на последнем курсе.

— Вы много узнали, — с неожиданным для себя одобрением сказал Гортон.

Келли гордо улыбнулся.

— Они тут все друг о друге знают. А Боровски здесь уже сто лет. Все говорят, что раз он заранее не позвонил, значит, что-то случилось.

— Случилось, — согласился Гордон. — Директор здесь?

— Да, но я с ним уже говорил. Вы же сами сказали...

— Знаю. Теперь есть о чем говорить. Все остальные ведь пришли, так? Давайте-ка сюда ваши заметки.

***

— Нет, — в третий раз повторил директор, — этого быть не может. Кто угодно, только не Боровски.

Он ожесточенно обмахивался какой-то квитанцией, несмотря на гул работающего на полную мощность кондиционера. На покрасневшей лысине блестели капельки пота.

— Вы его не знаете, а я знаю. Какое там ограбление, он спичку чужую не возьмет. Тихий, спокойный... Как вам только такое в голову пришло? Заболел человек, а вы...

Он вдруг перестал обмахиваться.

— Вы что, хотите поскорее дело закрыть? Да? При чем здесь Боровски? Из моего банка унесли все наличные. Все! Вчера они здесь были, а сегодня их нет. Нет — и все. И вы мне пытаетесь сказать, что виноват в этом мой сотрудник. Который работает здесь на десять лет дольше, чем я!

Квитанция снова зашуршала перед его лицом.

— Ваш помощник, между прочим, говорит о банде. Бан-де. Вот в этом направлении, я думаю, вам и надо бы работать. А не подозревать лояльных служащих.

— Все? — поинтересовался Гортон.

Директор неопределенно фыркнул.

— Теорию с бандой мы проработаем, — пообещал Гортон. — А пока расскажите мне еще о Боровски. Привычки, хобби, интересы.

Директор изобразил на потном лице усталость.

— Интересы как интересы. Футбол. В смысле болельщик. Собирает что-то. Спортивные какие-то вещи. Рыбачить стал недавно, всем рассказывал. Да вы у него сами все и спросите.

— А работник он какой?

— Хорошо свое дело делает. Ответственный. Всегда готов больше на себя взять. С клиентами работает замечательно. Он у нас вообще такой тихий, спокойный...

Гортону пришлось сделать очередное усилие.

— Это я уже слышал. А как насчет повышения, карьеры?

Усталость на лице директора обозначилась сильнее.

— Боровски — в отличие от многих других — никогда ничего не просит и ничего особенного никогда не ожидает. Он просто делает свою работу и получает за это зарплату. Он всем и всегда доволен. Что дают — то берет. Дали премию — взял. Улучшили медицинскую страховку — взял. То, что полагается, взял, не чужое. А вы мне пытаетесь...

— Вернуть ваши деньги, — закончил за него Гортон. — Спасибо. Больше вопросов у меня нет. Проводите меня, пожалуйста, к рабочему месту Боровски.

— Вы понимаете, что бросаете тень на невинного человека? — вскипел директор, уже не сдерживаясь. — Зачем вам рыться в его вещах при его коллегах? Он у вас что, подозреваемый?

Гортон устало вздохнул. Рабочая неделя начиналась замечательно. Сначала Келли. Теперь это. Да еще и утренний Кларин скандал. Усилия вновь оказались неподъемными.

— Подозреваемые у меня все. Даже вы, — директор ощутимо вздрогнул и вытер лысину квитанцией. — А что касается тени, позвольте напомнить, что всех ваших сотрудников мы отправили по домам. Может, вы мне все-таки покажете его рабочее место?

***

Рабочий стол Боровски ничем не выделялся — все тот же усредненный кремовый стандарт. На столе — монитор, под столом — тихо гудящий компьютер. Стопка бумаг, яркая реклама новой ссуды («Только для вас! Только сейчас!»), стакан с разноцветными ручками и карандашами.

Гортон опустился на стул и проводил взглядом удаляющегося в свой кабинет директора. Даже спина его выражала недовольство. Зря я его так, подумал Гортон. А впрочем, сам напросился. Разговаривает как с лакеем.

Он повернулся к столу. Фотографии. Все как полагается. Полная, недовольно улыбающаяся женщина. Бывают такие улыбки — губы растянуты, а в глазах брюзжание. Видели мы такую улыбку не раз. Далеко ходить не надо... На второй фотографии — девушка. Вылитая мать. Улыбается, правда, более приветливо. Или более умело? Какая, впрочем, разница.

Гортон выдвинул ящик. Профессия такая — рыться в чужих вещах. И огорчаться, когда этих вещей немного. Как, например, сейчас. Расписание футбольных матчей на прошлый год. Тетрадь. К сожалению, пустая. Пачка бумажных салфеток. Еще ручки и карандаши. Новенький справочник рыболова. Где ловить, на что ловить, зачем ловить. Вроде все.

Нет, вот еще визитная карточка. Дэвид Боровски... Ясно. А вот номер на обороте может вполне пригодиться. Теперь все. Интересно, почему...

— Лейтенант!

— Да, — Гортон даже не обернулся на бодрый голос. Смотреть на Келли сейчас не хотелось особенно.

— Отпечатков нет нигде.

Сейчас он скажет, что работали в перчатках...

— Несомненно, работали в перчатках.

Профессионалы...

— Профи.

Привет дяде-мэру.

— Начинаем опрашивать жителей соседних домов.

— Разве здесь есть жилые дома?

— Эээ... Проверим. Если найдем — опросим.

— Хорошо, — Гортон, наконец, повернулся на стуле. — Продолжайте действовать. И найдите мне жену Боровски.

Когда Келли удалился, Гортон задумчиво разложил на кремовой поверхности стола карандаши и ручки. Раз не получается глянуть на футбольную коллекцию, посмотрим на эту.

Три ручки родные, банковские. Ну, это понятно. Prudential Financial. Это — жена. Доктор Митчелл: «Ваша улыбка — наша гарантия». Ясно. Days Inn. Любопытно. Зачем ехать в дешевую гостиницу в родном городе? При любящей-то жене. Еще одна страховая ручка. Другая гостиница. Банк. Другой какой-то. А, конкуренты в квартале отсюда. Golden Skydiving Inc. Парашют-то ему зачем понадобился? На крышу отеля прыгать? Или за рыбой? Так, говорите, болельщик-домосед?

Идем дальше. А дальше — лучше. Доктор Мур. На этот раз не дантист. Psy. D. Этот доктор не в рот заглядывает — он в душу лезет. Какими такими судьбами занесло вас, мистер Боровски, к психологу?

Что еще у нас в коллекции? «Без барьеров: уроки испанского». Путешествия — это хорошо. Расширяет кругозор. А то сидишь весь день за столом в заштатном банке заштатного городка — и ничего кроме ссуд не обсуждаешь. И так девятнадцать лет подряд. И дома тебя ждет жена с угрюмой улыбкой...

Все, ручки закончились. Хороший улов. Да, еще этот номер. Гортон пододвинул к себе блестящий черный телефон.

— Стрелковый клуб Вэйда, — бодро сказали в трубке. — Чем могу помочь?

— Говорит Дэвид Боровски, — сказал Гортон.

— А, мистер Боровски! — возликовали в трубке. — Хотите назначить еще один персональный урок?

— Да, — согласился Гортон. — Только знаете, я должен проверить расписание. Я перезвоню часа через два.

В трубке выразили готовность разговаривать с таким хорошим клиентом в любое время и распрощались.

Гортон медленно вернул телефон на место. Картина складывалась интересная. Если не сказать больше. Правда, что-то в этой картине было не так. Слишком уж все было красиво.

***

Линда Боровски оказалась под стать фотографии. Разве что улыбка была другая — вежливая и испуганная. Опять же, знакомо. Улыбаются полиции редко, но если уж улыбаются, то именно так.

Впрочем, когда миссис Боровски разобралась в цели визита, испуг на ее лице сменился веселым недоверием.

— Дэвид? Ограбил банк? Вы серьезно? Вы его подозреваете? — уточняла она, словно никак не могла поверить в то, что ей говорят. — Мой Дэвид ограбил свой банк?

— Нет, — терпеливо пояснял Гортон. — Мы не считаем, что преступление совершил ваш муж. Мы просто хотим побеседовать с ним в связи с ограблением. Помогите нам, пожалуйста, его найти.

Когда миссис Боровски, наконец, закончила уточнять и изумляться, выяснилось, что помочь следствию ей при всем желании нечем. Ее муж, который в последние несколько месяцев стал заядлым рыболовом, еще вчера укатил на двухдневную рыбалку.

Почему в воскресенье, а не в субботу? А в выходные там слишком много народу. В понедельник же — тишь да благодать. И отпускные дни пропадают. Куда? А кто ж его знает. Это где-то в часе езды от города. Вроде на восток. А может, и на юг. В районе озера, наверное. Да никак не меньше часа — сотовый там не работает.

С кем? Один. Вообще он человек общительный, можно даже сказать, компанейский. Но вот на рыбалку — всегда один. Пыталась один раз с двоюродным братом отправить, но муж ни в какую. Не хочу, говорит, уловом делиться.

Нет, конечно, он не жадный. Просто к рыбалке своей серьезно относится. Много ли привозит? О да! Рыба как на подбор — крупная, свежая такая, холодная. Но он чаще ездит в такие места, где рыбу отпускать надо обратно, ну знаете, там, где исключительно для интереса... Часто ли ездит? Да каждую неделю. Раньше выходные дома проводил, а теперь ни свет ни заря — за город. Ну, надо же мужчине хобби иметь. Пятнадцать лет спортивную коллекцию собирал, а теперь вот рыбачит. Поздоровел на свежем воздухе, вес сбросил. Да, со здоровьем у него все в порядке. Да, и с психическим. Вы к чему это? То он у вас грабитель, то псих...

Как давно занялся рыбалкой? Так я же говорю, месяца два назад. А может, и три. Да нет, четыре, не меньше. Ох, как время-то летит. Предупреждал ли на работе о том, что в понедельник не выйдет? Конечно, предупреждал. Нет, я сама не слышала, я даже с ним не говорила об этом. Но он знаете какой ответственный? Его знаете, как ценят? И директор ценит, и сослуживцы. А все потому, что добросовестно работу делает, ямы другим не копает и палки в колеса не сует. И клиенты его любят. Он для них так старается! Так что

не мог он не предупредить. Он и с вами свяжется, как вернется. Я ему обязательно сообщу.

Golden Skydiving? Нет, никогда не слышала. А почему вы спрашиваете? Что-о? Дэвид? С парашютом? С... па-ра-шю-том? Да вы что, он у меня высоты боится! И вообще... парашют. Скажете тоже. Да вы моего Дэвида не знаете. Он у меня такой домашний. Ему бы футбол посмотреть, новости почитать. В крайнем случае, на рыбалку сходить. Да и не мальчик он уже — с самолета сигать.

Где деньги храним? В его банке, конечно, где ж еще? Интересные у вас вопросы, интересные...

Можно ли осмотреть кабинет мужа? Осмотреть — в смысле обыскать? А, просто осмотреть? Ну, конечно, заходите, вот сюда, направо.

Гортон незаметно вздохнул. Пустила. Могла ведь и не пускать. Близкие родственники подозреваемых — это вообще особая статья. Особенно когда идешь по горячим следам. Сложнее всего — понять, что им действительно известно. Потому что между тем, что они знают, и тем, что говорят, зачастую пропасть. А постановление суда при таких обстоятельствах не особо получишь. Там на интуицию смотрят косо. Мимолетный же вежливый вопрос приводит к такому же вежливому согласию только в том случае, когда хозяевам нечего скрывать.

В данном случае скрывать было действительно нечего. Все, что было нужно, скрыл уже, по всей видимости, сам хозяин дома. В кабинете мистера Боровски не пахло пистолетами и парашютами. Вместо этого комната представляла собой поле битвы. Старое хобби боролось здесь с новым. Боролось — и явно проигрывало.

Развешанные по всему кабинету футболки игроков, мячи на солидных деревянных подставках и расписанные лихими автографами бейсбольные биты отступали перед натиском рыболовных принадлежностей. Наборы крючков, мотки лески и увесистые пособия с изображениями гордых рыбаков теснили футболистов на всех фронтах. Спортивная коллекция явно доживала свои дни.

Пока Гортон с заинтересованным видом рассматривал обстановку, миссис Боровски рассказывала, как муж годами собирал спортивную коллекцию, чтобы потом забросить ее чуть ли не в одночасье — все ради удовольствий рыбной ловли. Сначала в доме появилась одна удочка, затем другая, потом пошли книги... Телефонный звонок прервал ее рассказ.

Пока она объясняла кому-то в соседней комнате, почему она сейчас никак не может разговаривать, Гортон изучал предмет, который привлек его внимание с первой минуты.

Это была вытянутая полупрозрачная коробочка с небольшими белыми таблетками. Лежала коробочка между толстым справочником и коробкой с блеснами, и было видно, что бросили ее небрежно. Название было незнакомым: Виллерин СТ, 500 мг, КГ-2. А вот имя врача уже встречалось. Доктор Мур, Psy. D.

Спрашивать миссис Боровски о таблетках смысла не имело. Она о них либо ничего не знала, либо не собиралась говорить. Да и вообще, почему бы специалисту по ссудам не принимать лекарство, выписанное психологом? Антидепрессанты сейчас глотает каждый второй. А кто не глотает — у того депрессия по этому поводу. Опять же, прыжки с парашютом — дело нервное. Да и биржа в последнее время кого хочешь в депрессию вгонит.

Гортон вернул коробочку на место, выразил миссис Боровски (она как раз вплыла в комнату) благодарность за помощь следствию, пообещал держать в курсе, выразил надежду на взаимные действия и, наконец, распрощался.

— Нет, — говорил он Келли минуту спустя, — на это время сейчас тратить не надо. Еще успеем. Для начала проверьте этот рыболовный магазин. Узнайте, как часто он в нем появлялся. Да, все было куплено именно там — на всех предметах одна и та же наклейка. Что вам сказали в Golden Skydiving? Да? Вот как? Это точно? Когда? Ага. А что у этого Вэйда? Да, любители пострелять. Что значит еще не разговаривали? Я все понимаю о месте преступления, но там уже делать нечего. Все уже сделано. Машина Боровски в розыске? Хорошо. А еще найдите-ка мне информацию о таком лекарстве: виллерин. Виллерин СТ. С чем его едят и зачем. Нет, это все, что мне известно. Есть какие-то новости? Тогда все. И держите меня в курсе.

Он сунул телефон в карман и в очередной раз подумал, что с Келли надо бы помягче. Все-таки дядя-мэр. Усилия, усилия...

Так, теперь доктор Мур. Расскажите-ка мне, доктор, как давно вы лечите пациента, который девятнадцать лет тихо и спокойно сидел в банке и выдавал ссуды, а вчера утром взял да и исчез из дома. А с ним за компанию исчезли все деньги из его банка. Да еще так ловко исчезли, что все камеры оказались выключенными, хотя выключить их, скажем так, непросто. Совсем непросто. И скажите-ка мне, доктор, отчего это ваш пациент,

опасающийся, по словам его жены, высоты, четыре месяца назад заявился в Golden Skydiving, заплатил за личный урок и после четырех часов инструктажа прыгнул с парашютом. Причем не с инструктором, а сам. Прыгнул, поблагодарил — и обратно больше не возвращался. А также не подскажете ли вы мне, доктор, почему ваш пациент неожиданно воспылил такой страстью к рыбной ловле? И с каждой неделей пылает этой страстью все сильнее и сильнее. И наконец, не знаете ли вы, доктор, какая связь может быть между внезапным интересом к огнестрельному оружию и лекарством под названием Виллерин СТ?

Но ничего подобного доктор, конечно, не подскажет. Хорошо если вообще согласится разговаривать. Есть такое понятие — врачебная тайна. И уж для этой тайны на постановление суда улик точно не наберется. Но поговорить надо. Интуиция, черт бы ее побрал.

***

Доктор психологии Джеймс Мур, как и ожидалось, отнесся к соблюдению врачебной тайны серьезно. А к посетителю, пытающемуся как-то эту тайну обойти, — более чем прохладно.

— Я верно понимаю, — говорил он, холодно поблескивая серыми глазами из-за стекол очков, — что вы сбиваете мое расписание только для того, чтобы получить у меня конфиденциальную информацию без соответствующих документов?

Гортон смиренно подтвердил это предположение.

— И вы серьезно ожидаете, что я с вами этой информацией поделюсь? — доктор Мур, видимо, был заинтригован подобной наглостью.

Гортону оставалось подтвердить и это.

— С какой стати?

Гортон пожал плечами.

— Я ведь вам уже сказал: мне не нужна конфиденциальная информация. Скажите мне только, когда и по какому поводу к вам обратился Дэвид Боровски.

— А о диагнозе я, по всей видимости, могу умолчать, — уточнил доктор Мур с едва заметным сарказмом.

— Вы же сами сказали: личная информация о пациенте.

— Лейтенант, — сказал доктор Мур, обнаруживая завидную память, — вы понимаете, что при данных обстоятельствах я даже не обязан подтверждать, является ли этот человек моим пациентом? Вы же не первый год в полиции. У вас ведь против него нет ни одной улики.

— А вы — не первый год в этом кабинете, — парировал Гортон.

Настала пора переходить в наступление.

— Вы не хуже меня понимаете, что когда поведение человека меняется до такой степени, у полиции есть все поводы его подозревать. Бумагу я рано или поздно получу. Только если ваш пациент и в самом деле виновен, он к тому времени будет уже далеко.

— Он и так уже может быть слишком далеко, — сказал доктор Мур. — Не мне вас учить, сколько отсюда до границы.

— Значит, расскажете?

— Ничего я вам не расскажу. Я даже не знаю, почему вы решили, что я с ним знаком. Мало ли откуда у него могла быть ручка из моего офиса. Спасибо за визит.

Доктор Мур встал во весь свой немалый рост.

— С какой целью вы выписали ему Виллерин СТ? — спросил Гортон, понимая, что битва проиграна.

— Виллерин, — сказал доктор Мур, опускаясь обратно на стул. — А что же вы мне тут про ручки с карандашами...

Он снял очки с тонкими черными дужками, достал из ящика тонкую серую фланель и принялся протирать стекла. Гортон молчал.

— Виллерин к вашему делу не имеет ни малейшего отношения, — сообщил наконец доктор Мур, водрузив сияющие очки на нос.

Гортону пришлось выдержать еще один холодный взгляд из-под очков.

— Слушайте внимательно, потому что повторять я не собираюсь. Дэвид Боровски действительно является моим пациентом. Обратился он ко мне примерно пять месяцев назад. Повод я вам сообщать не буду. Скажу только, что никакой опасности для общества причина его визита не представляет. Это не значит, что он невиновен. Просто его визиты ко мне не связаны с ограблением. Можете его сколько угодно ловить, судить и даже

сажать, если окажется, что виноват именно он. Но мой кабинет относится к этому делу меньше, чем кабинет терапевта, которому он жаловался на насморк. Это все.

Он снова встал. Гортон тоже поднялся, понимая, что прием окончен.

— Кстати, — сказал доктор Мур, когда Гортон был уже на пороге, — пришел он ко мне исключительно потому, что в его медицинскую страховку включили бесплатные консультации с психологом. Иначе ноги бы его здесь не было. Поверьте мне как специалисту.

***

На улице Гортон достал вибрирующий в очередной раз сотовый.

— Клара, — сказал он, прикрывая глаза, — что у тебя? Я понимаю, что срочно. Нет, раньше не мог. Извини, но никак не мог. Нет, я не знаю, куда пропал пульт от телевизора. Это все? Я же просил не звонить днем просто так. Я работаю. Нет, я понимаю, конечно, что это важно. Конечно, ты тоже устаешь. Нет, я не спорю. Да. Да, буду. Нет, точно не видел.

Когда разговор, наконец, закончился, Гортон пошел к машине. Доктор Мур, несомненно, обратил бы внимание, сколько раз в такой короткой беседе прозвучало «нет». Когда человек столько времени находится в состоянии отрицания, это рано или поздно начинает сказываться на его речи. Надо бы, конечно, что-то изменить. И даже ясно что...

В отделении стоял гул. Обычной рабочей обстановкой его мог назвать разве что посторонний. Коротко отвечая на приветствия и игнорируя шутки, Гортон прошел к себе. Очень хотелось хлопнуть дверью, но именно этого сейчас делать не следовало. Банки в городе грабили, мягко говоря, нечасто — вот и расшумелся народ.

Минуту спустя в кабинете возник Келли.

— Гениально, — сообщил он. — Этот Боровски... это такой след!

На секунду Гортон подумал, что версия о банде с персональным водителем отброшена. Оказалось, что он поторопился. Версия претерпела незначительные изменения и теперь состояла в том, что Дэвид Боровски как раз и являлся тем самым загадочным пособником. Его, разумеется, как и остальных членов дерзкой банды, умчал автомобиль неизвестной марки.

— А может, Боровски вообще главарь? — задумчиво предположил Гортон.

Судя по загоревшимся глазам Келли, семена упали на благодатную почву.

— Так, что у вас нового? — спросил Гортон, не дожидаясь входов.

Нового оказалось немного. В стрелковом клубе Вэйда, как и ожидалось, Дэвида Боровски первый раз увидели месяца три назад. Пришел он туда совершеннейшим новичком, не умел отличить мушку от курка, но, в отличие от парашютных занятий, одним уроком не ограничился. Быстро освоил базовые понятия и уже через месяц сосредоточился на точности. При этом, невзирая на уговоры инструктора, каждый раз хотел стрелять из другого оружия. Перепробовал чуть ли не все модели и калибры. Все занятия проходили по выходным. Платил всегда наличными, часто шутил по поводу своего побочного бизнеса, который оставляет его с кучей бумажек в кармане.

На этом факты закончились и начались предположения. Оружие Боровски осваивал, несомненно, на предмет ограбления. Разнообразие моделей объяснялось просто — заранее не было известно, из чего ему поручат стрелять. Что касается побочного бизнеса...

— Что с уроками испанского? — не выдержал Гортон.

Уроки испанского проходили по той же схеме. Три месяца плотных занятий. Упор на разговорный. Ощутимый прогресс. Уроки по выходным. Оплата наличными.

— Мексиканский диалект? — хмуро спросил Гортон.

Келли кивнул. На то, чтобы проверить этот момент, хватило даже его сообразительности.

— Машина?

— Ищут.

— Что-нибудь еще?

— Пока все. Хотя нет. Я послал Стентона в этот рыболовный магазин. Боровски был у них всего один раз.

— Не может быть. У него вся комната завалена вещами оттуда.

— А он их там и купил. В тот самый раз.

— Три месяца назад?

— Четыре. Продавец узнал его по фотографии. И вообще, магазин у них маленький. В таком количестве никто обычно не покупает. Запомнили.

— А чем платил?

— Чек. Из Чейса.

Гортон кивнул. Те самые конкуренты через дорогу.

— Хорошо. Идите. Он уже, наверное, в Мексике. Нет, стойте, — вспомнил он. — Что вы узнали о лекарстве?

Как выяснилось, о лекарстве не узнали ничего, причем не от недостатка усердия, а от недостатка информации. Проверка всех стандартных источников ничего не дала. Как и старый добрый поиск в интернете. Лекарства Виллерин СТ формально не существовало.

Когда за Келли закрылась дверь, Гортон вынул из кармана сотовый и аккуратно положил его перед собой на стол. Два пропущенных звонка. перезвонить, конечно, надо. Только вот прямо сейчас или потом? Лучше потом. Мас тардэ, как говорят в тех местах, куда, скорее всего, сейчас направляется Боровски. Или куда он уже прибыл. Выехал он, наверное, еще вчера, а до границы — всего восемь часов.

И планирует он, похоже, все очень тщательно. Девятнадцать лет готовил это ограбление декады. По крайней мере, так будут писать в газетах завтра. Ты им ничего не скажешь — а они все равно будут. Здесь все болтают, и ничего с этим поделать нельзя. Так что выведывают и напишут. Потому что звучит очень заманчиво. Написали бы лучше о том, в каком жалком состоянии находятся компьютеры отделения благодаря неустанным заботам дяди-мэра. Но об этом писать неинтересно.

А на самом деле планировать он стал четыре месяца назад. И начало цепочки, которая включает необъяснимый прыжок с парашютом, пальбу из разных видов оружия, уроки испанского с упором на мексиканское произношение, гостиницы в родном городе, тайный счет в банке и липовую, насквозь липовую любовь к рыбалке — начало этой цепочки не в том магазинчике, где он закупил декорации для спектакля под названием «Страсть рыболова».

Начало этой цепочки — в кабинете психолога, с его мягкими креслами, располагающими к доверительной беседе, с книгами на изящной полке, со стройными торшерами и цветами в вазе. И этому психологу сейчас придется вновь побеспокоиться.

Итак, звонок домой откладывается. Он положил рядом с телефоном длинный синий карандаш и набрал вытесненный серебристыми цифрами номер.

Когда после многословных протестов доктора Мура, наконец, позвали к телефону, Гортон уже был готов класть трубку и снова ехать в его офис.

— Лейтенант, вы превышаете свои полномочия! — начал Мур без приветствия. — Какого черта...

— Почему вы мне не сказали, что Боровски участвовал в клинических испытаниях? — прервал его Гортон.

Доктор Мур умолк.

— А почему вы считаете, что он в них участвовал? — спросил он после длинной паузы. Гортон вздохнул.

— Вы нас недооцениваете или просто не любите? Ваш виллерин нигде не зарегистрирован. Вы же не хотите сказать, что ваш пациент съел коробку таблеток, сделанных у вас на кухне? Почему вы мне об этом ничего не сказали?

— Потому что это не имеет ни малейшего отношения к вашему расследованию, — сухо сказал доктор Мур.

— Предоставьте решать мне, что имеет или не имеет отношение к моему расследованию, — сказал Гортон, мысленно смакуя каждое слово. — Если вы и дальше будете отказывать следствию в содействии, я вам гарантирую серьезные неприятности. Поверьте мне как специалисту.

Доктор Мур выдержал очередную паузу.

— Что именно вы хотите знать? — спросил он, наконец. — Имейте в виду, я отвечаю отнюдь не из-за ваших угроз.

— Зачем к вам обратился Боровски и что такое Виллерин СТ?

— Дэвид Боровски действительно участвует в клиническом испытании, — сказал доктор Мур, игнорируя оба вопроса Гортон. — Он находится в контрольной группе для Виллерина СТ, который, как вы правильно заметили, пока еще нигде не зарегистрирован. Виллерин разработан для того, чтобы усиливать *arbitratus dominatus*. Никаких психических отклонений у Боровски нет. Обратился он ко мне в связи с сильнейшей неудовлетворенностью своей жизнью в целом. Опять же, как я уже вам говорил, сделано это было только потому, что ему не надо было платить ни цента за визит. А с бесплатными визитами ко мне приходят и не по таким поводам. Что еще вас интересует?

— Для начала меня интересует, что такое этот *arbitratus*, — сказал Гортон. — Там, где я учился, латынь сводилась к *habeas corpus*.

— Сила воли, — пояснил доктор Мур.

— Сейчас не самое лучшее время для шуток, — сказал Гортон, ощущая неожиданно для себя сильнейшее раздражение.

— Я не шучу, — спокойно сказал доктор Мур.

— На силу воли невозможно влиять таблетками.

— Давайте оба будем оставаться в пределах своей компетенции, хорошо? Таблетками можно влиять на что угодно. То, что для вас — абстрактные понятия, для нас — химический баланс мозга.

— Хорошо, — сказал Гортон, пытаясь осмыслить услышанное. — Баланс, химия — это понятно. Видели. Зачем вы этот виллерин ему выписали? И как это вообще работает?

— Работает просто: виллерин сокращает разрыв между решением и действием. Вместо решил, отложил, передумал, забыл, снова решил человек начинает действовать проще: решил — сделал.

— А при чем здесь Боровски?

— При том, что когда ко мне приходит здоровый мужчина за сорок и начинает жаловаться на общую неудовлетворенность жизнью, я советую ему проанализировать, чего ему не хватает, и принять соответствующие меры. А когда он мне сообщает о многочисленных безрезультатных попытках что-либо изменить, я ему помогаю понять, что на одних решениях далеко не уедешь.

— Может, он вам еще и рассказывал о тайном желании ограбить свой банк? — раздраженно спросил Гортон.

— Нет, он вообще не рассказывал мне о своих желаниях. Хотя я не сомневаюсь, что он начал понемногу их удовлетворять. Но это уже вне моей компетенции. Я могу еще чем-то посодействовать следствию?

— Да, — хмуро сказал Гортон. — Как долго действует этот ваш виллерин?

— Сначала нужен месяц, чтобы препарат просто начал работать. Потом — пять дней после каждой таблетки.

— И как долго он его принимает?

— Сейчас, — в трубке что-то зашуршало. — Примерно четыре месяца. Осталось еще шесть.

— Десять месяцев на клиническое испытание?

— В фармакологии быстро ничего не делается, — наставительно сказал доктор Мур.

— А ломки у него не будет? За следующей дозой он к вам теперь уже не придет. И в аптеке вряд ли достанет.

— Перестаньте сравнивать лекарственный препарат с наркотиком. Доза у него и так уже полная — на все десять месяцев.

— Полная доза, — повторил Гортон, вспоминая полупрозрачную коробочку с четырьмя одинокими таблетками. — И одна таблетка в пять дней?

— Да. А в чем дело?

— Дело в том, — медленно ответил Гортон, — что на данный момент у вашего пациента осталось четыре таблетки. Ваш десятимесячный норматив он выполнил за четыре. Так говорите, ломки не будет?

— Вы уверены, что он их все съел? — озабоченно спросил доктор Мур.

— Либо съел, либо загнал на черном рынке.

— Не хохмите. Впрочем, съел так съел. В данном случае передозировка не опасна. Хотя факт, конечно, весьма любопытный. Особенно учитывая ваши подозрения.

— Не опасна? — Гортон даже приподнялся на стуле. — Да вы своими таблетками сделали из безобидного клерка грабителя! Ваш виллерин работает почище героина!

— Виллерин здесь ни при чем. Боровски просто сделал то, что и так хотел.

— А если бы он и так хотел зарезать десяток человек, виллерин бы ему в этом тоже помог?

— Назначение виллерина — помогать человеку делать то, что он действительно хочет. Неважно, сегодняшнее это желание или мечта детства. Препарат не влияет на принятие решений — только на их исполнение.

— Но пока он не принял лошадиную дозу этого препарата, он спокойно работал!

— Может, оно и к лучшему, что он его принял. Кто знает, что бы он мог сделать, если бы все это недовольство копилось в нем еще год. Так, по крайней мере, пострадали только деньги.

— Только деньги, — буркнул Гортон. — Вам легко говорить.

— Нелегко. Эта беседа происходит за счет моей беседы с пациентом. У вас есть еще вопросы?

— Нет, — сказал Гортон. — Спасибо.

Он повесил трубку и угрюмо посмотрел в окно. Все та же, до смерти надоевшая картина. Задняя стена кирпичного здания, покосившийся столб. Горячий ветер несет по земле обрывки газет. Почему здесь вечно носятся какие-то обрывки? Кто их каждый день рвет? А главное — зачем?

В дверь постучали.

— Войдите, — сказал Гортон.

В кабинете возник Келли.

— Нашли машину, — лаконично сообщил он.

— Где?

— Радиум Спрингс. Оттуда до границы — от силы час езды.

— Знаю. Все, с деньгами можно прощаться. Он уже давно в Хуарезе, если не дальше.

— Кто знает, — оптимистично отреагировал Келли, — прокатная машина с четырьмя мужчинами... Может, и обыщут на границе.

— Действительно, — пробормотал Гортон. — Действительно.

Оставшись один, он снова взглянул за окно. Тот же ветер, тот же вяло взлетающий обрывок. Все, дело об ограблении декады можно закрывать, толком не открыв. Боровски, конечно, будут искать, ловить, описывать в многочисленных документах. Но найти его вряд ли смогут. А если и смогут, банку это уже не поможет. Деньги он теперь сумеет и потратить, и спрятать. Он теперь много чего умеет. Банки грабить. По-испански говорить. Стрелять навскидку. От полиции изящно удирать.

Стрелять-то ему зачем? Да еще этот парашют... Ясно зачем. Свежее желание или мечта детства... Удрать с кучей денег от женщины с угрюмой улыбкой — это желание более-менее свежее. А вот с парашютом сигануть — это уже больше похоже на детскую мечту. Один раз, больше-то и не надо. И какой мальчишка не мечтает о том, чтобы выбивать десятку из любого оружия? Мечтают многие. А удается не каждому. Только тем, кто действует по принципу: решил — сделал.

В очередной раз настойчиво завибрировал сотовый. Гортон косо глянул на номер и отвернулся. Успеется. Успеется... Сотовый успокоился. Зато громко и зло начал трезвонить телефон на столе. Гортон увидел знакомый до отвращения номер и накрыл трубку ладонью. Вместо телефонного аппарата перед глазами стояла другая картина.

Белая дорога, залитая ярким солнцем. На горизонте горы. По дороге несется автомобиль. В нем — немолодой уже мужчина. Он лысоват и сутул, но глаза за темными стеклами очков смотрят прямо и решительно. Еще недавно он день за днем ходил на опостылевшую работу, возвращался домой к равнодушной, совершенно не понимающей его женщине, собирал осточертевшую за долгие годы, никому не нужную коллекцию. Сегодня он обеспечен, уверен в себе, независим и едет навстречу новой жизни.

Какой бы она ни оказалась, это то, чего он сам хотел в отличие от надоевшего безликого существования, которое он влачил почти двадцать лет. И все потому, что его решения всегда подкрепляются действиями. Потому что четыре месяца подряд он принимал двойную дозу Виллерина СТ. Который пока еще не продается в аптеках.

Гортон медленно поднес трубку к уху и набрал номер, даже не сверяясь с синим карандашом.

На этот раз ответил сам доктор Мур.

— Лейтенант, если вы позвоните мне еще раз сегодня, я напишу на вас жалобу. Превышение служебных полномочий.

— Это последний раз, — сказал Гортон. — По крайней мере, сегодня. Я вас не задержу. У вас ведь остался еще виллерин?

— Конечно.

— Тогда кто-нибудь из моих ребят подскочит к вам. Выдайте ему, пожалуйста, такую же десятимесячную дозу, какую вы давали Боровски. Лекарство пойдет в дело. В качестве вещественного доказательства.

— Вот как, — сказал доктор Мур. — В дело. В дело — это хорошо. А может, хватит и пары таблеток?

— Нет, — твердо сказал Гортон. — Доза виллерина должна быть точно такой, как та, что вы выдали Боровски.

— Я понимаю, — согласился доктор Мур. — Только вы все-таки уточните: вам нужен виллерин или то, что принимал Боровски?

— Не понял.

— А что тут понимать? — удивился доктор Мур. — Я же вам сразу сказал: Боровски был в контрольной группе. Знаете, что такое плацебо? Виллерин он даже в глаза не видел.

Обычные таблетки-пустышки из лактозы. Сахар. Понимаете? Алло? Лейтенант?
Лейтенант?..
